

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

МОЙ НЕВЕРНЫЙ
ОДНОЛЮБ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Мой неверный однолюб / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101398-1

Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия — по временам, когда миром правили крутые понятия и настоящие мужики. Увлекательные криминальные романы для всех возрастов. Суммарный тираж книг этого автора — более 12 миллионов экземпляров.

Лидер школьного ансамбля Паша Маслов нравился девчонкам. А его интересовали только две из них, Ира и Катя. Правда, у девушек были свои поклонники, но это не смущало настойчивого солиста. Страсти не утихли и по окончании школы. Продолжая добиваться женского внимания, Паша попадает в неприятные ситуации: его преследуют бандиты, он лежит в больнице, находится по ложному обвинению под следствием. В конце концов он даже женится, но неудачно... Однако все это выглядит мелкими неприятностями по сравнению с испытаниями, которые парню только предстоят...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101398-1

© Колычев В. Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Бас-гитара ревела как недоенная корова, «соло» выло и визжало, барабаны беспощадно вбивали звук в огромные гудящие колонки, синтезатор едва пробивался через эту какофонию. Длинноволосый красавчик Паша Маслов пытался что-то петь, но его вообще не было слышно. Группа типа «Не в лад, невпопад» в полном составе. И в своем репертуаре. Вроде как «Больно мне, больно» поют. А Кате почему-то смешно. Она в музыка разбиралась так себе, но даже ей понятно, что этим горе-музыкантам место в басне Крылова. Зато Ирка сжалась в пружи-ну от восторга, искрит у нее там внутри, вибрирует. В резонанс вошла с чудовищными колонками. Ей Паша и раньше нравился, а сейчас она готова от него фанатеть. Или уже.

Паша Маслов смотрелся неплохо. Его длинные волосы гармонировали с высоким ростом и уверенным выражением лица. Он вел себя как самовлюбленный болван, но, возможно, у него имелись основания считать себя таковым. Лицо длинное, скулы широкие — пропорции, близкие к совершенству. Нос у него прямой, без горбинки, но тем не менее в нем угадывалось что-то ястребиное...

Девчонкам он нравился, а Ирку даже смог свести с ума, но Катя дышала к нему ровно. Ну красавчик, и что? Настоящий мужчина вообще не должен быть красивым. Отец у нее далек от идеала в этом плане, а мама души в нем не чаает. И Катя его любит. А Паша — это ветер в чистом поле, дует, может, и сильно, но впустую.

От шума у Кати разболелась голова, захотелось вдруг на свежий воздух. Она и хотела бы поддержать подругу, но сил больше не было терпеть это акустическое безобразие.

Поднимаясь со своего места, она поймала на себе взгляд Маслова. Парень целиком был увлечен собой, но все же где-то в глубине сознания у него возник вопрос. Он не мог понять, как это Катя посмела отказать себе в удовольствии дослушать концерт до конца. Катя могла отлучиться всего на несколько минут, но Маслов не задавался вопросом, вернется она или нет. Он уже потерял к ней интерес. Одной зрительской единицей больше, одной меньше...

А концерт — праздничный, посвященный Международному женскому дню. Но разве Катя женщина, если у нее не было мужчины?.. Впрочем, Паша Маслов тоже не совсем еще мужчина. В армии он не служил, но это не мешает ему считать двадцать третье февраля своим праздником. Говорят, была вечеринка, и он нажрался там как свинья.

На дворе весна, ветер еще прохладный, но в нем уже чувствовалось далекое тепло южных морей. И угадывался запах цветущих садов. Этот ветер и выдул из ушей зубдробительный шум, стало го-

раздо легче. И в здание школы возвращаться не захотелось. Но Катя не надела куртку, а в одной жилетке поверх сорочки холодно, можно замерзнуть. А тут еще и Аркаша вышел, маленький курчавый очкарик с чересчур добрым взглядом. Он держал, развесив на руках, ее куртку.

— Замерзнешь!

Вряд ли гардеробщица тетя Таня спрашивала, зачем он берет чужую куртку. Все знали, что если Аркаша что-то делает, то лишь с добрыми намерениями.

Может, потому Катя и не смогла разозлиться на него. Но глянула раздраженно и даже закатила глазки. Она уже давно смирилась с тем, что Аркаша влюблен в нее. И знала, что безнадежно. Никогда она не ответит ему взаимностью.

— Аркаша!

Она вернулась в здание школы, Аркаша, ниточкой за иголочкой, потянулся следом. Концерт продолжался, но Катю обратно в актовый зал не тянуло, а в вестибюле откидные кресла, можно посидеть, подождать Ирку. Если она вернется. А то вдруг ее засосет в колонку, будет там сидеть и радоваться, что любимый Паша где-то рядом.

Катя улыбнулась своим мыслям, Аркаша это заметил и принял на свой счет. Он вернул куртку в гардероб и подошел к ней с робкой улыбкой, в которой угадывалось ожидание. Восьмое марта, может, и не самое важное событие, но это последний праздник в их школьной жизни. Еще совсем немного, и Катя исчезнет в лабиринтах будущего. Если, конечно, ее не удержат, не привяжут к себе. А как

это сделать, если она не хочет быть с ним? Аркаша знал ответ на этот вопрос, но все же надеялся на чудо.

— Ничего, что я с курткой за тобой бегал? — спросил он, усаживаясь рядом.

— Ты и сейчас за мной бегаешь, — усмехнулась она. — Но уже без куртки.

— Что такое закон относительности? — улыбнулся он. — Я вроде бы сижу, а на самом деле бегаяю за тобой.

Катя вздохнула. Аркаша парень сообразительный, но уж лучше бы он тренировал свои умственные способности «тихо сам с собою».

— А почему ты с концерта ушла? — спросил он.

— Угадай.

У Кати не было никакого желания говорить, поэтому пусть Аркаша сам ответит за нее.

— Аппаратура у них просто ужасная!.. А играют как?

— Как?

— Э-э... — Аркаша задумался в поисках умного ответа. Сам он играл на скрипке, даже собирался поступать в консерваторию, а потому мог жонглировать музыкальными терминами. — Да никак!

Катя улыбнулась. Коротко и ясно.

— Я бы, конечно, мог им подсказать...

— Так в чем же дело? — усмехнулась она.

— Ну-у... — Аркаша пальцем поправил очки на переносице.

Ответить ему на его доброту могли грубо или очень грубо — выбор, в общем-то, невелик. Но ведь он сам в этом виноват. Каши надо было много

есть, чтобы вырасти, спортом заниматься, мышцы качать. И очки... Есть же специальные методики для тренировки глаз, которые восстанавливают зрение.

— Не лезь ты к ним, — качнула она головой. — У них своя жизнь, а у тебя своя... скрипка.

— Да я не лезу, — пожал плечами Аркаша.

Катя пристально посмотрела на него, но промолчала. А так и подмывало сказать, чтобы он отстал и от нее.

— Там ни слуха, ни аппаратуры, — сказал он.

— Нормально у них там со слухом, — усмехнулась она.

— Да? — Аркаша внимательно посмотрел на нее.

— Просто на Маслова смотреть не могу.

— Почему?

— Потому что влюбилась.

Аркаша медленно поднялся, потрясенно глядя на нее. И непонятно, то ли обрадовался он, то ли разозлился. Вдруг Катя влюбилась не в Маслова, а в него самого.

— Смотреть на него не могу, так влюбилась.

Не должна была Катя так говорить, но Аркаша просто достал ее своей любовью. Может, решит, что шансов у него нет, и отстанет?.. А в Маслова действительно можно влюбиться. И если вдруг Аркаша сболтнет, Катя краснеть за свой выбор не будет. Вот если все узнают, что у нее роман с Аркашей... Но этого не будет никогда.

— В кого влюбилась?

— Ну не в тебя же.

— Нет? — Это был самый настоящий крик души.

— Свободен!

Катя поднялась и направилась в актовЫй зал. Уж лучше страдания Паши Маслова слушать, чем давать объяснения безнадежному Аркаше.

* * *

Концерт провалился с треском. С тем самым треском, с которым грохотали настолько же мощные, насколько и убогие колонки. Гитары, можно сказать, самодельные, собранные из остатков былой роскоши, усилители слабые, синтезатор настолько древний, что на нем, наверное, играл последний из питекантропов. Ударная установка — единственное светлое пятно в ансамбле, но Вася Пушнов играл на ней так же плохо, как Паша пел. Вокал у него неважный, он сам это знал, но лучше так, чем никак.

— Меня не кантовать, при пожаре выносить первым.

Паша лег на скамью старой, сто лет не крашенной парты, хотел забросить руки за голову, но не смог — мешала спинка. Можно было протолкнуть руку за спиной, но резкие движения опасны для жизни. Старых парт в школьном тире много, раньше они вместе с им подобным хламом занимали чуть ли не всю свободную площадь, а сейчас всего две трети. Но чтобы расчистить жизненное пространство, им с пацанами пришлось ставить парты в три яруса. И если это рухнет...

— Не кантовать! — Вася отстучал ритм, сделал проход.

Вышло не очень, но ему-то этого не объяснить. Он считал себя если не богом, то как минимум его заместителем по барабанной части.

Инструменты и аппаратуру они уже занесли, но не подключили. Настроение у всех мрачное. Думали, что школа на уши от восторга встанет, а вышел пшик. Все началось с Катьки Капитоновой, сначала ушла она, за ней потянулись другие. Ольга Матвеевна не нашла ничего лучше, чем закончить концерт досрочно. Мало того, сегодня вечером дискотека, но группа «Первый взгляд» там играть не будет. А должна была.

— А я говорил, что с таким хламом нам даже на похоронах играть не доверят, — сказал Яша Батурский.

— Даже на своих собственных? — буркнул Паша.

Засмеялся только Рома Кошкалапов. Маленький, худенький, неказистый, он не мог служить украшением группы, хотя на синтезаторе лабал достойно.

— Ну, помирать нам еще рано, — вздохнул Вася.

И отстучал дробь, запедалив напоследок «хай-хэт».

— Инструменты новые нужны, — Яша взял свою гитару за гриф, размахнулся, как будто для того, чтобы разбить ее о стену.

Паша хмуро глянул на него. Гитара могла развалиться и без этого, достаточно просто резкого движения.

— Ой, как у вас тут здорово! — колокольчиком прозвенел девичий голосок.

Паша осторожно поднялся, чтобы не перевернуть на себя парту. Кого там еще принесло?

К ним через узкий проход в завалах шла Ирка Сорокина из параллельного класса. Вроде бы и симпатичная бабеха, но чересчур уж покрашенная, и прическа у нее бомбовская, в смысле «Взрыв на макаронной фабрике». Типа, стиль такой. В теле она, грудь, бедра — в ассортименте, ноги мощные, длинные. Неплохо было бы ее на парту завалить... Но уж лучше с ее подружкой. Катька не в пример стройная, и «станок» у нее что надо. А еще Катьку хорошо было бы наказать. На той же парте, чтоб аж дым коромыслом! Это ведь из-за Катьки все. Она первая с концерта ушла, подав дурной пример остальным.

— Кто дверь не закрыл? — недовольно буркнул Паша.

— Зачем дверь закрывать? — с натуральным возмущением в голосе спросила Ирка. — От поклонниц прятаться?

— Давай отсюда! — Вася вытянул руку и палочками показал ей на дверь.

— Да нужен ты мне! — фыркнула Ирка. — Я от Паши фанатею, а не от тебя! Паш, а можно мне автограф?

Она влюбленно смотрела на Пашу. И ведь не издевалась, а реально хотела броситься ему на шею. И не только.

— На чем? — хмыкнул он.

У Ирки не было ничего такого, на чем можно было расписаться. А у них не было диска со сво-

ими песнями, на обложке которого «звезды» обычно ставят свои закорючки. И не будет.

— Как на чем? — опешила Ирка.

Вид у нее был такой, что, казалось, она вот-вот зальется краской. Но не покраснела. Да, она совсем не прочь, если бы он расписался на ее голых полузадиях. Но в интимной обстановке. При свечах...

— Ты не такая? — усмехнулся он.

— Я не такая, — совершенно серьезно сказала она.

— А зачем тогда пришла?

— Я же сказала...

Паше уже семнадцать, в прошлом году он познал вкус первой женщины, с тех пор народная тропка к нему не зарастает. Ирка далеко не первая, кто напрашивается на огонек с его свечи. Но лучше бы она просто в любви призналась, чем фанаткой тут прикидывалась.

— Ну и что тебе нравится в нашем творчестве? — спросил Паша.

— Да, между прочим, — кивнул Яша.

Левую руку он прижал к животу, локтем правой оперся о запястье и приложил пальцы к подбородку. И в этой глубокомысленной позе чуть ли не вплотную приблизился к Ирке сзади.

— Все нравится! — кинула она, не обращая на него внимания.

— Всё или все? — усмехнулся Паша.

Яша пристроился к Ирке сзади, задвигал бедрами, не касаясь ее.

— Все нравится. И ты нравишься.

— Яша тебе что-то сказать хочет, — хмыкнул Паша.

— Да?

Ирка резко повернулась к Яше и толкнула его рукой в грудь. Движение мощное, толчок сильный — пацан не устоял на ногах и плюхнулся на мягкое место.

— Придурок! — гаркнула на него Ирка.

Яша порывисто вскочил, даже замахнулся, но ударить ее не смог. Все-таки баба. Да и сам виноват.

— Я тут вам помочь хотела!

— Что-то я не понял, ты меня любишь или всех? — удивленно и с наигранной ревностью спросил Паша.

— Я могла бы с отцом поговорить.

— Ну, Паша, ты влетел! — засмеялся Вася. — Тебя с родителями будут знакомить!

— На всех фанатках не женишься, — качнул головой Рома.

— А если фанатка одна-единственная? — хмыкнул Яша.

— У тебя и одной нет! — едко глянула на него Ирка. — А у Паши их уже много!.. А будет еще больше!.. Если аппаратуру заменить.

— Да! И эту бандуру! — Вася раскидал удары по всем барабанам и тарелкам.

Вышло громко, но бестолково.

— Вместе с прокладкой, — кивнула Ирка.

— С какой прокладкой? — не понял Пушнов.

— Между стулом и барабанами! — сказала она.

Паша хохотнул так, что шатнулась стоящая над ним парта. Он почувствовал это и на всякий случай поднялся — от греха подальше. А Васю действительно не мешало бы заменить.

— Ну, с прокладкой мы разберемся... — Паша вплотную подошел к Ирке. — А как нам нашу лабуду обновить?

— Отец у меня замдиректора комбината.

— Бумажного?

— А какого еще?

— Та-ак!

Паша всего-навсего обнял ее за плечи, а она вдруг стала тонуть в его объятиях. Он даже почувствовал, как под ее третьим размером стучит сердце, хоть на «бочку» его клади, чтобы барабанило. Но такое счастье Паше не очень-то улыбалось, поэтому он отстранился. А то правда придется с отцом знакомиться, а оно ему надо?

— Они в прошлом году в двадцать седьмой школе весь инструмент обновили.

— А нас почему обошли? — разволновался Паша.

Целлюлозно-бумажный комбинат мог позволить себе многое, даже директриса намекала на шефскую помощь, но Паша как-то не догадался обратиться к Ирке. Потому что не знал, кем работает ее отец. А ведь можно было узнать...

— Так заявки не было.

— Будет заявка.

В школе когда-то был вокально-инструментальный ансамбль, потом это дело похоронили в каморке за кулисами актового зала. Паша воскресил идею,